

Владимир ВЕРЕТЕННИКОВ

Прорицание поэта

О книге Валентина Сорокина «Купола Кремля»

Валентин Сорокин известен как поэт патриотическо-гражданской направленности, как автор, много размышляющий о судьбах родной страны. Его новый сборник включает в себя стихи разных лет и драматическую поэму о маршале Жукове.

Составитель сборника Лидия Сычёва не случайно сделала данную поэму смысловым центром книги — судьба знаменитого военачальника волновала Сорокина много лет. Ещё в 1978-м он завершил большое эпическое произведение «Бессмертный маршал», а в 80-х пытался его опубликовать. Но советская цензура раз за разом вымарывала из неё сотни строк — и полностью поэму впервые опубликовали лишь в 1989-м. Примечательно, что в «Куполах Кремля» прославленному маршалу посвящены ещё два произведения: стихотворения «На Эльбе» и «Ещё о Жукове». Есть и другие стихи о войне, оставшейся глубоким рубцом всех русских поколений.

Георгий Жуков оказался, по выражению Сорокина, «распятим, оклеветанным молвой»: его назначили «кровавым мясником», погубителем сотен тысяч солдатских жизней, которые он швырнул молоху войны ради личной славы. Сорокин же никогда не сомневался в том, что Жуков — «любимец народа, герой». Тогда, семьдесят с лишним лет назад, русское воинство, руководимое Жуковым, поставило неодолимый заслон вражескому нашествию. Увы, спустя десятилетия сыновья и внуки тех солдат бездумно растранжирили отцово-дедовское наследие...

Жизнь Жукова подается сквозь призму широкой русской истории: Сорокин в своей поэме вспоминает и трагедии великих русских поэтов — Пушкина, Лермонтова

и Маяковского — и великие нашествия, и неразрывную связь поколений. В числе героев поэмы — Сталин, Берия, Гитлер, Гудериан и Паулюс: автор наделяет их репликами, соответствующими историческому характеру этих персонажей. И, несмотря на модную сейчас концепцию «двух тиранов, стоивших друг друга», сорокинский Сталин оказывается фигурой противоречивой, мягущейся — в отличие

от Гитлера, от вполне однозначно выписанного («рога б тебе и хвост тебе для виду») Берии.

Поэт не идеализирует вождя, признавая за ним вину за море пролитой крови, но он же не готов мазать Сталина чёрной краской. «А счастлив я и дал кому я счастье? Не дал и проклят, кажется, в веках!..» — горько сетует вождь в поэме.

Окончательный приговор Жукову, который так и не решился вынести Сталин, изрекает устами Сорокина сама История: «Георгий, знай, победоносец, знай, Ты дом помог нам сохранить и май».

Вшедшие в сборник стихи являются важным смысловым дополнением к поэме. Особенно запомнилось «Генералу Ватутину» — Сорокин сумел найти для замечательного военачальника, так и не увидевшего Победы из-за бандеровской пули, точёные, прочувствованные строки.

Памятник Ватутину в Киеве всё грозитя снести в рамках «программы декоммунизации» (как убрали в своё время монумент генералу Черняховскому в Вильнюсе). И тема Украины, творящейся там трагедии не даёт покоя Сорокину: «Не отнимайте Киевскую Русь у сыновей её, великороссов». И робкая, несмелая надежда: «На берегу былинного Днепра брат перед братом смолкнет виновато»...

Перед читателем сборника проходит вереница пейзажей, образов и фактов. Сорокин признаётся в любви к Москве («Жила, как мать, в простой моей судьбе»), где ис-

пытал радость признания, рассуждает об особенностях русского характера («Нам, русским, квёлость не знакома»), размышляет о тысячелетнем прошлом («где вы, идолы гордых славян»), о глухих временах татарского ига, проводя от них связующую нить к сегодняшнему нелёгкому времечку — «тоска по Дмитрию Донскому тихо заворочалась в груди».

Поэт не желает оставаться безучастным свидетелем: «Я, кричащий в своей стороне: — Дайте Родину выручить мне!» И тут же спокойная уверенность: «Иностранцу меня не осилить!»

Россия для Сорокина — высший смысл жизни, неутрачивающая подсердечная боль и высокая гордость одновременно. При этом поэт далёк от вселенского пессимизма, унылого упадочничества. Он спорит с современными модными «пророчками», поторопившимися списать Русь со счетов:

Я пророчествам вашим не верю,
Встанут русские, мир окрыля,
А иначе — не сдюжит потерю,
Не осилит святая Земля.

Говорю я друзьям: разрушайте
Заказного распуствы мосты
И рожайте, рожайте, рожайте,
Дети — русских просторов цветы!

Мы поднимемся зорям навстречу,
В миг, когда мы шагнём за порог,
В наше здравие звёздные свечи
Во Вселенной затеплит сам Бог.

И да исполнится по слову Сорокина. Ведь поэты, они — провидцы.

прозаическое слово писателя охватывает неохватный простор земли якутской, потому оно тоже должно стать всеохватным, что мастерски и совершает писатель на земле, преображение которой начинается с совхоза, коим руководит Анатолий Петрович.

Вот как пишет Иван Переверзин о переживаниях Анатолия Петровича в связи с гибелью друга, якута Ивана Колмогорова, в которой он считает виноватым себя: «Если за отца из-за нависшей над ним бедой Анатолий Петрович переживал всей душой, то за столь раннюю смерть школьного друга — до острой сердечной боли, а глубокое сознание вины перед его памятью и старенькими родителями до такой степени усиливали её, что ещё вполне не окрепшая психика, словно сухая ветка, не выдержав напора ветра, надломилась — духовных сил ещё кое-как хватало помочь сердобольной женщине, перед тем как положить в гроб, омыть и одеть тело Ивана в новую белую сорочку и чёрный костюм. А вот проводить в последний путь, сказать у свежeverытой могилы прощальные слова — нет. Из непоправимого горя, в конце концов, обернувшегося тяжёлым нервным срывом, Анатолий Петрович выходил мучительно долгих-долгих несколько лет, когда порой кажется, что время стоит на месте. И наверно, в большой степени он смог это одолеть не упорным, систематическим, грамотным лечением, а благодаря своей страстной жажде жизни в стремительное время, которое, словно целебными бинтами, неумоимо перевязывала и перевязывала его впечатлительную душу надвигающимися и происходившими, как хорошими, так и плохими событиями».

Какая тонкая психология человека изображена здесь, и как искусно писатель использует образные и синтаксические средства для передачи глубочайшей печали, что разрывала душу Анатолия Петровича:

его «неокрепшая психика, словно сухая ветка, не выдержав напора ветра, надломилась», — употребляет он точное сравнение, и читательская душа принимает на себя эту боль, как духовную данность. А сложные предложения с сочинительной и подчинительной связью, с причастными и деипричастными оборотами помогают проникнуться этой болью героя, как и другое очень тонкое сравнение — жизнь, «словно целебными бинтами, неумоимо перевязывала и перевязывала его впечатлительную душу», к тому же эта фраза представляет собой олицетворение, благодаря которому жизнь превращается в страдательного человека.

Многие страницы романа посвящены изображению великой реки Лены — матери всех народов, населяющих бескрайние просторы якутской земли. Великая Лена изображена в произведении так ярко и убедительно, что она, наравне с другими персонажами, стала полноправной героиней эпопеи.

К Лене приходит, как на исповедь, когда есть свободная минута, Анатолий Петрович; он стоит на берегу и мысленно разговаривает с нею, как с человеком. Его беды-печали она уносит в море Лаптевых, а радость держит при себе у берега, на котором он стоит. Когда же Анатолий Петрович склонился к воде, Лена губами тёплой воды стала целовать его лицо, вселяя в него свои могучие силы.

Но преображение происходит и в характере самого Анатолия Петровича — как руководитель совхоза он показывает себя человеком, равным простым рабочим, и выходит на прополку капусты, как уже говорилось выше, вместе с ними, как в своё время сделал Давыдов Михаила Шолохова, вставший за плуг вместе с колхозниками. Такое же преображение происходит и с доярками-якутками, особенно с молодой Алевтиной, как, собственно, и якутскими рабочими совхоза.

Оно коснулось уже с другой стороны и агронома совхоза Хохлова, который устроил в траншее пьянку по случаю своего дня рождения, за что Анатолий Петрович нанес ему такой сильный удар в скулу, что тот, если бы не коллеги, упал бы на пол.

С этого момента в Хохлове будет нарастать чувство ненависти и мести к Анатолию Петровичу и Марии, и он будет раскрываться постепенно, по нарастающей, и так же непрерывно, в таком постоянстве его низменных чувств, понять которые можно будет только на последних страницах романа. Хохлов своим красноречием сделает всё, чтобы на какое-то время увлечь Марию, и она поддастся, ведь от Анатолия Петровича давно не слышала ничего подобного. Да и до речей ли ему было, если везде нужен был руководящий глаз, ибо в совхозе, куда ни кинь — везде клин. А ведь он дал твёрдое слово руководству, что к осени хозяйство из лежачих, убыточных станет прибыльным, и сделает он это на выращивании капусты, которая очень была нужна рабочим алмазодобывающей промышленности города Мирный.

Слово своё он сдержит, но в любовном треугольнике Анатолий Петрович — Мария — Хохлов произойдут события, которые приведут к такой развязке сложного сюжета романа-эпопеи, что они буквально взорвутся психологической бомбой, поэтому приводить этот кусок эпопеи нет смысла, — надо прочитать весь роман, чтобы по-настоящему оценить всю значимость такой психологической развязки.

* * *

Анализируя эпопею Ивана Переверзина «Постижение любви» о народной жизни родной ему якутской земли, приходишь к неопровержимому убеждению: роман встает в один ряд с двумя великими произведениями 20-го столетия: «Тихим Доном» Михаила Шолохова, повествующим о судьбах казачества Придолья, и тетралогией

Фёдора Абрамова «Пряслины» о народной жизни северной деревни в довоенную пору и послевоенные годы.

Когда-то великий Достоевский сказал, что красота спасёт мир; Иван Переверзин сформулировал свою позицию так: любовь к работе, любовь к малой родине, любовь к женщине — вот три ипостаси любви, и завершающая — любовь к женщине — главная, вершинная, ибо, справедливо утверждает писатель, благодаря этой неубываемой любви не погибло до сих пор человечество.

Только есть ещё одно обстоятельство: если одна из сип ипостасей берёт на какое-то время верх (как у Анатолия Петровича любовь к работе), тогда возникает дисгармония, что и привело к временному, но тяжкому разрыву между героями.

Что же касается эпохи, о чём твердили наверху деятели-перестройщики и их журналистские подпевалы, она принадлежала не им, а Анатолию Петровичу с Марией, как тем якутским дояркам и рабочим из четырёх отделений совхоза, коим руководил и который поднял до прибыльного Анатолий Петрович.

Три же ипостаси единой любви держат, как духовные скрепы, всё полотно народной жизни-эпопеи, что и позволило её героям выстоять в схватке со всякого рода воришками. И неслучайно роман «На ленских берегах» заканчивается фразой: «Восторженно любуясь его неповторимой красотой (красотой восхода. — И.С.) и божественным величием, исполненным притягательной силы тайны, невозможно было вновь и вновь окрылённо не думать, что и жизнь, какой бы печально суровой она ни казалась, наконец, открывает перед тобой солнечные двери, чтобы вдохновенно жить, верить и любить!».

Эти слова венчают весь роман и его героев, открывших солнечные двери человеческого счастья.

Иван САВЕЛЬЕВ